

В. В. Петранкин

Реконструкция места памяти: Королевская старообрядческая моленная

Статья посвящена малоизученной проблеме локализации старообрядческих моленных XIX в. на культурной карте Санкт-Петербурга. В качестве теоретико-методологической основы исследования привлекается теория «мест памяти» Пьера Нора, в которой показан процесс возрождения памяти, противостоящий истории забвений. Предпринят обзор наиболее значимых локусов в историко-культурном феномене «Петербург старообрядческий». Представлены сведения из различных источников, раскрывающих обстоятельства функционирования и закрытия Королевской старообрядческой моленной, на основе анализа которых впервые предпринята попытка привязки этого значимого в истории культуры Петербурга места памяти к конкретному объекту городской застройки. Междисциплинарная культурологическая методология позволяет не только верифицировать адрес моленной, который до настоящего времени считается не установленным с достаточной точностью, но и поставить вопрос о изучении истории культуры старообрядческого Петербурга Пушкинской эпохи.

Ключевые слова: место памяти, П. Нора, культура Санкт-Петербурга, старообрядчество, моленные, Королевская моленная

Vladimir V. Petrankin

Reconstructing a Site of Memory: Korolev Old Believers' Prayer House

This article is dedicated to a little studied problem of the 19th century Old Believers' prayer houses localization on the cultural map of St. Petersburg. The theoretical and methodological basis of the research is Pierre Nora's theory of *lieux de mémoire*, which shows the process of memory revival in spite of the history of oblivion. An overview of the most significant loci in the history of a historical and cultural phenomenon of *Old Believers' Saint-Petersburg* was undertaken. There were presented data from various sources casting light on the circumstances of the Old Believers' *Korolev Prayer House* functioning and closure, based on the analysis of which an attempt to relate this significant site of memory in the cultural history of St. Petersburg to a specific building in urban sprawl was undertaken for the first time. Interdisciplinary culturological methodology makes it possible not only to verify the address of the prayer house, which has not been considered determined with adequate accuracy until now, but also to raise an issue of studying the cultural history of the Old Believer St. Petersburg at the Pushkin era.

Keywords: *lieu de mémoire*, P. Nora, St. Petersburg culture, Old Believers, prayer houses, Korolev Prayer House

DOI 10.30725/2619-0303-2023-2-54-59

В наши дни в культурологических исследованиях весьма популярной становится теория «мест памяти», разработанная французским историком Пьером Нора, в которой предпринята попытка осмыслить пространство памяти, его закономерности, в частности процесс возрождения памяти. Исследования исторической памяти привлекательны своей обращенностью к современности, их предмет – не ушедшее, в смысле канувшее в Лету, а актуальное сегодня прошлое. Размышляя об истории Франции, П. Нора пишет о современной культурной ситуации как о «внутренней деколонизации», которая привела к «освобождению меньшинств» и, как следствие, к «властному» подъему памяти, которая есть «история забвений в истории» [1, с. 9].

Пожалуй, нигде эта жизнь прошлого в настоящем так не ощущается, как в городском тексте Петербурга. Введенное В. Н. Топоровым понятие «Петербургский текст» оказалось весьма удачно для размышлений не только о литературе, но и о тексте культуры города, где дорога каждая страница, где не должно быть места забвению: «время не только стирает тексты, но и созидает и репродуцирует новые» [2, с. 368].

Вместе с тем трагические страницы истории русского старообрядчества по сей день зачастую – терра инкогнита как для обывателя, так и для ученых, в чью сферу специфических интересов не входит данная тема. В лучшем случае известны крупные старообрядческие центры, как Выг, Гуслицы, Ветка.

Реконструкция «места памяти»: Королевская старообрядческая моленная

Но староверы жили и в столице империи, их история неразрывно связана с историей Петербурга.

Испытывая постоянное давление, старообрядцы были вынуждены не только совершать в тайне богослужения, но также передавать в тайне следующим поколениям предметы материальной и нематериальной дораскольной культуры. Поэтому самыми значимыми локусами в культурном пространстве города, с которыми неизменно была связана память о воспитании в традициях предков, для русских старообрядцев всегда оставались их моленные, где происходила передача культурной эстафеты.

Сложно найти в России город, история культуры которого была бы изучена лучше, чем Петербург. Казалось бы, нам известно о нем почти все с момента его основания. Однако в истории культуры Петербурга остаются «белые пятна», связанные с периферийными для его культурного дискурса сюжетами. Одной из таких периферийных лакун, требующих заполнения, является локализация старообрядческих молелен на культурной карте города. Мы знаем их по именам содержателей (Зеленкова, Королева и т. д.), но зачастую плохо представляем себе, где эти, выражаясь термином П. Нора, «места памяти» располагались географически, как они коррелируют с существующим ныне культурным ландшафтом Петербурга и какова была их роль в истории его культуры.

В истории такого комплексного историко-культурного феномена, как «Петербург старообрядческий», можно условно выделить несколько категорий «мест памяти» по степени их актуальности для современных старообрядцев. Наиболее актуальными «местами памяти» являются действующие храмы старообрядцев-поморцев в Рыбачком, на Тверской и Коломенской улицах и старообрядцев-поповцев в Обухово и Транспортном переулке. Их можно отнести к первой категории старообрядческих «мест памяти». С каждым из этих храмов связан целый комплекс воспоминаний, несмотря на то, что все они были переданы старообрядцам недавно – не раньше 60-х гг. XX в.

Вторую категорию составляют неконтролируемые в настоящее время старообрядцами кладбища: Громовское, Волковское, Малоохтинское, а также Чубыкинская богадельня. Их старообрядцы периодически посещают, их возвращения добиваются через судебную систему. Очевидно, бывшие ранее периферийными места памяти могут вновь стать

центральными в случае их возвращения старообрядцам, как это произошло с храмами в Транспортном переулке, на Тверской и Коломенской улицах в 1990–2000-х гг.

К третьей категории относятся еще более периферийные для современных старообрядцев «места памяти», чье возвращение проблематично. К таким можно отнести здание бывшей Никольской церкви на Большой Охте, комплекс зданий моленной Долгова на Моховой улице: по устным сообщениям, полученных автором от современных старообрядцев, о них знают и помнят, но не более.

И, наконец, есть наименее актуальные места памяти, датируемые второй половиной XVIII в. – первой половиной XIX в., которые можно отнести к категории забытых: моленные Гуттуева, Зеленкова и т. п. Их названия знакомы старообрядцам из книг и научных статей, но где они находились, не помнят даже старейшие прихожане действующих старообрядческих храмов, и даже для профессиональных исследователей проблема их локализации на карте города и атрибутации к ним конкретных зданий является нетривиальной задачей.

Одним из таких периферийных, забытых «мест памяти» в истории культуры старообрядчества Петербурга является Королевская моленная старообрядцев-поповцев на Ивановской (ныне Социалистической) улице. Наиболее развернутое описание Королевской моленной представлено в книге отставного чиновника МВД императорской России П. И. Мельникова-Печерского «Исторические очерки поповщины», где автор рассматривает весь сюжет с ее устройством, функционированием и закрытием.

По Мельникову [3, с. 13], моленная была открыта в 1811 г. в доме купца Владимира Королева. Дом представлял собой двухэтажное каменное здание, в первом этаже которого располагалась большая и трапезная с кухней, а во втором – непосредственно «моленная», а по факту – старообрядческая церковь с алтарем и неосвященным престолом. Мельников подчеркивает, что внешне ничто не указывало на религиозный характер здания [3, с. 15]. Во дворе дома был деревянный флигель, в котором располагалась богадельня. В стоявшем поблизости доме Груздева квартировал престарелый беглый поп о. Василий Андреев с сыном-уставщиком. Его статус был безупречен: по Мельникову, он обладал законно выданным паспортом [3, с. 14]. Сразу после открытия моленной на нее поступает донос, в котором сигнализируется о «само-

вольном открытии старообрядческой часовни с алтарем и престолом в доме Груздева» и указывается его адрес: 3-й квартал Московской части, № 347 [4, л. 1]. Исход открытого по данному случаю дела был счастливо для старообрядцев решен, якобы, лично императором Александром I [3, с. 14]. Моленная начинает функционировать публично, а в 1824 г. старообрядческое общество приобретает ее у наследников Королева [3, с. 13]. В 1840 г., по Мельникову, умирают Сергей Громов [3, с. 18], попечитель моленной, и почти столетний Василий Андреев [3, с. 14]. В начале 1840-х гг. в процессии на похоронах Зотова участвовал беглый старообрядческий поп в полном облачении, что, согласно Мельникову, и послужило основанием для закрытия моленной в 1844 г.

Схожее с изложением Мельникова, но только более краткое описание моленной, дает Н. В. Варадинов [5, с. 406]. Единственными интересными деталями, которыми Варадинов дополняет рассказ Мельникова, являются статистические данные (доход-расход, количество призреваемых в богадельне) [5, с. 403]. Очевидно, что и Мельников, и Варадинов опирались в описании сюжета с Королевской моленной на отчеты проводивших в 1840-х гг. расследования по делам «раскольнических учреждений в Петербурге» чиновников МВД Кельчевского и Алябьева, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА).

Другой ценной для нашего исследования группой источников по истории Королевской моленной являются дореволюционные газетные статьи. Так, в статье в «Петербургском листке» за 15 января 1898 г. Н. А. Скроботов прямо указывает, что моленная располагалась в доме, в современную ему эпоху принадлежавшем купчихе Беляевой. Кроме того, Скроботов указывает на важную деталь: моленная существовала 34 года с 1810 по 1844 г., а «раскрыта» правительством была в связи с пожаром, который произошел в 1843 г. в соседнем здании [6].

Газетные же статьи в «Петербургском листке» фиксируют ностальгические воспоминания прихожан Громовского кладбища об утраченной Королевской моленной, надежды на ее возвращение, стремление «вернуться в город» с окраины. Этим надеждам не суждено было сбыться в полной мере, но шагом к их осуществлению стало строительство храма Воскресения на Глазовой улице (ныне ул. Константина Заслонова) в 1908 г. [7; 8; 9, с. 617].

Подробный анализ нарратива, изложенного Мельниковым, не входит в наши задачи, нужно лишь обратить внимание на некоторые важные детали, отличающиеся у Мельникова при сравнении с другими источниками. Так, у Скроботова [6], Варадинова [5, с. 406] и в донесениях Кельчевского [10, л. 67] упоминается, что моленная была открыта в 1810 г., а не в 1811 г., как пишет Мельников. Мельников ничего не упоминает о пожаре, который, помимо Скроботова, упоминается в правительственном постановлении о закрытии моленной от 21 марта 1844 г. [11, с. 345]. Кроме того, согласно книге Сайтова «Петербургский некролог» и именуемому в архиве Петербурга делу, священника звали не Василием Андреевым, а Иоанном Яковлевым [12, л. 1], и упокоился он не в 1840 г., как указано у Мельникова, а 30 января 1842 г. на 78 году жизни и был похоронен на Громовском кладбище [13, с. 283]. В списках Сайтова также фигурирует Григорий Зотов, который был похоронен там же 2 апреля 1842 г. [13, с. 222]. Наличие несоответствий наводит на мысль, что при написании «Очерков поповщины» Мельников руководствовался памятью, а не записями, создавая некий художественно-публицистический нарратив, резонирующий с его романами «В лесах» и «На горах».

В 1844 г. император Николай I потребовал продажи дома наследниками Королева, поскольку его покупка старообрядческим обществом была незаконной. Иконы, книги и утварь были конфискованы, но при этом ценные оклады, по приказу Николая I, тут же возвращены [14, л. 1]. Некоторые из икон будут также позднее, по прошению купцов-старообрядцев [14, л. 25], возвращены, перенесены в моленные Дмитриева и Баранова [6] и в конечном счете окажутся в церкви Громовского кладбища (так, по-видимому, удалось вернуть особо значимую икону Покрова, упоминаемую в газетном описании первого крестного хода громовцев на Неву в 1907 г. [15]). Часть икон и утвари должна была быть передана в беднейшие единоверческие и новообрядческие храмы. Вероятно, именно таким образом четырехъярусное паникадило из Королевской моленной оказалось передано в Колтовскую церковь Преображения [16]. Значительная часть икон, будучи слишком ветхой или найденной по ряду признаков «противными православию», была, по-видимому, заперта в древлехранилище Александро-Невской Лавры, а некоторые иконы, как «ветхие» и «закоптелые», должны были быть даже преданы огню [14, л. 9].

Реконструкция «места памяти»: Королевская старообрядческая моленная

Храмовым праздником Королевской моленной был Покров [10, л. 76, 116]. Среди влиятельных прихожан Королевской моленной выделялись ее попечители петербургские купцы С. Громов и Ф. Громов, Н. Дрябин, Г. Дмитриев, вольские купцы В. Злобин и А. Сапожников, екатеринбуржцы Л. Расторгуев, П. Харитонов, Г. Зотов и др. Подготовка правительством к закрытию крупнейшей моленной старообрядцев-поповцев в Петербурге была известна заблаговременно и послужила катализатором к поискам архиерея. В итоге финансовые возможности и солидарность купечества против произвола самодержавия позволили сделать возможным через два года после закрытия Королевской моленной учреждение Белокриницкой иерархии.

Для определения местоположения Королевской моленной на современной карте города автором были привлечены историко-архивные данные. Купец Королев был, по-видимому, не Владимиром, а Василием. Купец 1-й гильдии на 1809 г. Василий Королев проживал в собственном доме № 368 в Московской части [17, с. 462], скончался 5 апреля 1815 г. и был похоронен на Волковском кладбище [13, с. 478]. На 1823 г. наследникам Василия Королева в Петербурге принадлежал целый ряд зданий, из которых наиболее подходящим для целей нашего исследования представляется дом № 393 (старый номер 347 [18, с. 70]), расположенный в 3-м квартале Московской части Петербурга по Ивановской улице между Кабинетской и Грязной [19, с. 51, 138] (ныне ул. Марата). В переиздании справочника Аллера за 1824 г. номер участка, занимаемого наследниками купца Королева, указан уже как 392 (в разделе «По новым показаниям») [20, с. 510]. Обращаемся к плану Шуберта образца 1828 г.: на нем участок № 392 оказывается занятым каменным домом вдоль красной линии улицы, большим деревянным флигелем и службами в глубине участка, а на участке под номером 393 каменные постройки отсутствуют вовсе. В 1834 г., в ходе реформы, введшей поулочную нумерацию для домов Петербурга, участки 392 и 393 получили новые номера: участок 392 стал домом № 14, а участок 393 получил № 16 [21, с. 66, 1-я паг.]. В конце приведенного в ссылке справочника, в списке домовладельцев, владельцем дома под № 14 указано «Старообрядческое общество» [21, с. 209, 2-я паг.]. В справочнике 1844 г. владельцем дома № 14 указано то же общество [22, с. 139]. Соседом с северо-запада для участка Старообрядческого общества с домом № 14 (старый

№ 392) на 1836 г. являлся купец Михайлов с участком № 12 (старый № 391). Атлас Цылова уточняет, что на участке дома № 12 (бывший 391) имеется двухэтажный дом с первым каменным и вторым деревянным этажами, а дом № 14 трехэтажный, каменный. Участок № 16 (бывший 393), принадлежавший в 1849 г. купцу Фокину, являлся пустопорожним и не имел строений [23, с. 116, 1-я паг.]. В 1869 г., после очередной перенумерации, наделившей петербургские дома их современными номерами, каменный дом М. Гуро на углу Ивановской и Кабинетской, стал № 9, а дом № 14, принадлежавший С. Голенищевой, стал домом № 11 [24, с. 151].

Другой способ верификации адреса Королевской моленной связан с указанием Скроботова о нахождении моленной в доме купчихи Беляевой. На 1889 г. Беляевой по Ивановской улице принадлежал дом № 11 [25, с. 59].

В ЦГИА Санкт-Петербурга хранится архивное дело дома № 11 по бывшей Ивановской улице, на одном из листов которого указано, что «в существующем Доме из прежде бывшей Старообрядческой Моленной привести все в жилые отделения», и хотя не уточняется, о какой именно моленной идет речь, учитывая общий контекст и временные рамки изменений, о которых речь (новый владелец купец Петров просит о разрешении возвести перегородки на втором этаже), можно с уверенностью утверждать, что речь идет именно о Королевской моленной: план второго этажа указывает на наличие зала на большую часть длины здания с проемом (как для царских врат) по центральной оси, ведущим в комнату на всю ширину здания, что соответствует рассказу Мельникова о наличии алтаря. Отметим противоречие между документальным материалом (три этажа на поэтажном плане) и описанием Мельникова, в котором фигурирует только два этажа. Возможно, Мельников исходил из европейской системы нумерации этажей, при которой первым этажом считается, фактически, второй (а первый именуется, например, rez-de-chaussée). Отчет Кельчевского также фиксирует наличие двух этажей [10, л. 115].

Для того чтобы окончательно верифицировать дом № 11 по Ивановской улице в качестве адреса Королевской моленной, обратимся к докладной записке чиновника по особым поручениям Алябьева за 1847 г. [26, л. 49]. В ней текущим владельцем здания, в котором находилась упраздненная моленная Королева, указывается купец Петров, и упо-

В. В. Петранкин

минается, что в главном корпусе моленной ведутся работы по возведению капитальных перегородок для устройства комнат на месте молотвенного зала [26, л. 70–70 об.].

Таким образом, можно уверенно утверждать, что Королевская моленная располагалась в существующем ныне доме № 11 по Социалистической улице. Дискуссионным остается вопрос нахождения дома Груздева, осложняемый тем, что такое лицо не фиксируется ни одним из имеющихся в наличии документов в связи с какими-либо из близлежащих домов. Возможно, Груздев был одним из предыдущих хозяев дома Королева.

В настоящее время дом № 11 по Социалистической улице представляет собой четырехэтажное жилое здание, выходящее фасадом на Социалистическую улицу. Согласно информации, опубликованной на сайте Администрации Санкт-Петербурга, дом № 11 по Социалистической улице был построен в 1748 г. [27], что делает его одним из старейших жилых домов в городе.

Локализация Королевской моленной – важный шаг в изучении истории культуры Петербурга, ведь ее существование совпало с Пушкинской эпохой, жизнью в Петербурге Гоголя, близко интересовавшегося «раскольниками» Герцена, молодых Тургенева и Достоевского. Требуется продолжение исследований с привлечением широкого массива архивных, литературных, биографических, изобразительных источников с целью реконструкции внешнего облика этого места памяти в контексте истории культуры различного и купеческого Петербурга; выявления в существующих музейных коллекциях, с одной стороны, памятников культуры, изъятых при ее закрытии, и графических образов моленной – с другой; прослеживания судеб ее заметных прихожан, их взаимоотношения друг с другом и с значимыми фигурами пушкинского Петербурга. Это позволит полнее представить культурную среду первой половины XIX в., предшествовавшую николаевской реакции, и в конечном счете поможет лучше понять роль культурно-социального феномена старообрядчества в истории развития русской культуры XIX в.

Несомненно, что идентификация дома № 11 по Социалистической улице как местоположения одной из старейших старообрядческих моленных города делает возможным ее увековечивание (путем включения в перечень вновь выявленных объектов культурного наследия, установки мемориальной доски, включения в путеводители, туристи-

ческие маршруты и т. д.), что стало бы актом возрождения памяти этого места, значимого как в истории культуры Петербурга, так и в истории старообрядчества¹.

Список литературы

1. Франция-память / С.-Петерб. гос. ун-т; [П. Нора и др.; пер. с фр. Д. Хапаевой]. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 325 с.
2. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. Москва: Прогресс: Культура, [1995]. 621 с.
3. Мельников П. И. Исторические очерки поповщины. Главы XII–XIII // Русский вестник. 1866. Т. 65, № 6. С. 5–86.
4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 13. Д. 257.
5. Варадинов Н. В. История министерства внутренних дел. История распоряжений по расколу. Восьмая, доп. кн. Санкт-Петербург, 1863. 656 с.
6. Скроботов Н. А. Раскол в Петербурге. Поповцы // Петербургский листок. 1898. 15 янв. С. 5.
7. Летопись петербургского раскола // Петербургский листок. 1891. 14 сент. С. 2.
8. Среди старообрядцев // Петербургский листок. 1907. 6 окт. С. 2.
9. Морозов А. И. Петербург (от нашего корреспондента) // Церковь. 1910. № 24. С. 601–624.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 980. Оп. 1. Д. 1.
11. Собрание постановлений по части раскола. Санкт-Петербург: тип. М-ва внутр. дел, 1875. [764] с. разд. паг.
12. ЦГИА СПб. Ф. 9. Оп. 26. Д. 52.
13. Саитов В. И. Петербургский некрополь. Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича. 1912. Т. 2. 727 с.
14. РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 770.
15. Церковное торжество старообрядцев // Петербургский листок. 1907. 2 авг. С. 3.
16. Празднование столетия деревянной церкви Спаса Преображения // Голос. 1863. 19 сент. № 246.
17. Реймерс Г. Санкт-Петербургская адресная книга. Отд. 2. Санкт-Петербург: тип. В. Плавильщикова. 1809. 193 с.
18. Аллер С. И. Руководство к отыскиванию жилищ по Санктпетербургу или прибавление к адресной книге: указ. жилищ и зданий в С.-Петербурге. Санкт-Петербург: в тип. Департамента нар. просвещения, 1822. 663 с.
19. Шуберт Ф. Ф. Подробный план столичного города С.-Петербурга, снятый по масштабу 1/4200 под начальством генерал-майора Шуберта. Санкт-Петербург, 1828. 145 с.

¹ Автор выражает благодарность краеведу Н. К. Цендровской за неоцененную помощь в процессе исследования.

Реконструкция «места памяти»: Королевская старообрядческая моленная

20. Аллер С. И. Руководство к отыскиванию жилищ по Санктпетербургу или прибавление к адресной книге: указ. жилищ и зданий в С.-Петербурге. Санкт-Петербург: в тип. Департамента нар. просвещения. 1824. 568 с.
21. Нумерация домов в Санктпетербурге, с алфавитными списками проспектам, улицам, площадям, набережным, мостам, невским пристаням, городским въездам, соборным и приходским церквам, дворцам, монументам и владельцам домов / составлено при Канцелярии С.-Петерб. воен. генерал-губернатора. Санкт-Петербург, 1836. 736 с.
22. Нистрем К. М. Адрес-календарь жителей Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург. 1844. Т. 1. 300 с.
23. Цылов Н. И. Атлас тринадцати частей Санкт-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов. Санкт-Петербург, 1849. 407 с.
24. Нейдгардт П. И. Список домам С.-Петербурга по полицейским частям и участкам. Санкт-Петербург, 1869. 552 с.
25. Табель домов города С.-Петербурга, с показанием новой и старой полицейской нумерации домов, вновь открытых улиц, переулков и набережных, с наименованием оных и переименованием некоторых из ныне существующих, с приложением плана города С.-Петербурга. Санкт-Петербург, 1889. 305 с.
26. РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274.
27. Сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_admiral/rajonnoe-hozyajstvo/tekushij-i-kapitalnyj-remont/ (дата обращения: 21.03.2023).
10. Russian State Historical Archive (RSHA). F. 980. Op. 1. D. 1 (in Russ.).
11. Collection of resolutions on the part of the split. Saint-Petersburg, 1875. 66 (in Russ.).
12. CSHA of Saint-Petersburg. F. 9. Op. 26. D. 52 (in Russ.).
13. Saitov V. I. Petersburg necropolis. Saint-Petersburg: typ. M. M. Stasyulevich. 1912. 2, 727 (in Russ.).
14. RSHA. F. 796. Op. 128. D. 770 (in Russ.).
15. Church celebration of the Old Believers. Petersburg sheet. 1907. Aug. 2, 3.
16. Celebration of the centenary of the wooden Church of the Transfiguration. Voice. 1863. Sept. 19 (246) (in Russ.).
17. Reimers G. Saint-Petersburg address book. Dep. 2. Saint-Petersburg: typ. V. Plavilshchikov. 1809. 193 (in Russ.).
18. Aller S. I. Guide to finding dwellings in Saint-Petersburg or adding to the address book: decree. dwellings and buildings in Saint-Petersburg. Saint-Petersburg: in typ. Department of People's enlightenment, 1822. 663 (in Russ.).
19. Schubert F. F. A detailed plan of the capital city of St. Petersburg, taken on a scale of 1/4200 under the command of Major General Schubert. Saint-Petersburg, 1828. 145 (in Russ.).
20. Aller S. I. Guide to finding dwellings in Saint-Petersburg or adding to the address book: decree. dwellings and buildings in Saint-Petersburg. Saint-Petersburg: in typ. Department of People's enlightenment, 1824. 568 (in Russ.).
21. Numbering of houses in St. Petersburg, with alphabetical lists of avenues, streets, squares, embankments, bridges, Neva piers, city entrances, cathedral and parish churches, palaces, monuments and house owners / comp. the Chancellery of Saint-Petersburg military governor general. Saint Petersburg, 1836. 736 (in Russ.).
22. Nistrem K. M. Address-calendar of residents of Saint-Petersburg. Saint-Petersburg. 1844. 1, 300 (in Russ.).
23. Tsylov N. I. Atlas of thirteen parts of St. Petersburg with a detailed depiction of embankments, streets, lanes, state and philistine houses. Saint-Petersburg 1849. 407 (in Russ.).
24. Neidgardt P. I. List of houses in St. Petersburg by police units and districts. Saint Petersburg, 1869. 552 (in Russ.).
25. Table of houses in the city of Saint-Petersburg, showing the new and old police numbering of houses, newly opened streets, alleys and embankments, with the names of these and renaming some of the existing ones, with the application of the plan of the city of Saint-Petersburg. Saint-Petersburg, 1889. 305 (in Russ.).
26. RSHA. F. 1609. Op. 1. D. 274 (in Russ.).
27. Website of the Administration of Saint-Petersburg. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_admiral/rajonnoe-hozyajstvo/tekushij-i-kapitalnyj-remont/ (accessed: Mar. 21.2023) (in Russ.).

References

1. Nora P., et al.; Khapaeva D. (transl.). *France-memory / Saint-Petersburg state univ.*. Saint-Petersburg: Publ. house of Saint-Petersburg univ., 1999. 325 (in Russ.).
2. Toporov V. N. *Mif. Ritual. Symbol. Image: research in the field of mythopoetic: selected.* Moscow: Progress: Culture, [1995]. 621 (in Russ.).
3. Melnikov P. I. *Historical essays on priesthood. Chapters XII–XIII.* Russian Bulletin. 1866. 65 (6), 5–86 (in Russ.).
4. *Central State Historical Archive of Saint-Petersburg (CSHA of Saint-Petersburg).* F. 19. Op. 13. D. 257 (in Russ.).
5. *Varadinov N. V. History of the Ministry of Internal Affairs. History of dissolution orders. Eighth add. bk.* Saint-Petersburg, 1863. 656 (in Russ.).
6. *Skrobotov N. A. Split in Saint-Petersburg.* Popovtsy. Petersburg sheet. 1898. Jan. 15, 5 (in Russ.).
7. *Chronicle of the Saint-Petersburg schism.* Petersburg sheet. 1891. Sept. 14, 2 (in Russ.).
8. *Among the old believers.* Petersburg sheet. 1907. Oct. 6, 2 (in Russ.).
9. *Morozov A. I. Petersburg (from our correspondent).* Church. 1910. 24, 601–624 (in Russ.).